

„Я в бой иду, чтоб завтра жить“

В РЕДАКЦИЮ пришла женщина. — Может быть, вас интересуют эти стихи?

Она подала маленькую записную книжку. На титульном листе четко выведены слова:

Владимир Калачев. «В пути». Действующая армия. 1943 год.

— Это мой брат, — пояснила женщина. — Он погиб в 1943 году под Ленинградом, около Синявины. Книжку эту мы получили, когда его не было в живых. Послал ее он сам, видимо, знал, что бой предстоит такой, из которого выходят немногие.

19 стихотворений. Все они посвящены фронту, и в каждом из них живая примета замечательного характера простого советского человека, вставшего на защиту своей Родины. Ломким, еще неопределившимся голосом, с суровой простотой и безыскусственностью рассказывает поэт о своих товарищах, о том, что сам видел и пережил.

— Вместе с этой книжкой Володя послал и другие материалы: свои черновики, письма от поэтов... Все это мы бережем, как память о нем. Но, может быть, эти материалы интересуют и других, — говорит Елена Степановна Калачева. — Бережем и письма от него.

И вот я читаю стихи, черновые наброски, письма.

Елена Степановна сберегла и довоенные тетрадки стихов брата.

КОГДА постепенно вникаешь в эти торопливые строчки, перед тобой открывается светлый большой мир юности, устремленный к высокой цели, наполненный яркими чувствами, переживаниями, богатый внутренней жизнью. Читаешь строчку за строчкой — и невольно растет волнение за эту рано оборвавшуюся жизнь, за несбывшиеся надежды. Последняя записная книжка не заполнена и на одну треть. Сколь много интересного и радостного для любителей поэзии мы могли бы увидеть здесь, ведь автор был еще на подступах к настоящей поэзии, он сам понимал это и чувствовал в себе силы на большее.

Родился Владимир Калачев в 1918 году неподалеку от Череповца, на Шексне, в деревне Квасюнино. В Чароме окончил начальную школу, семилетку. А когда семья переехала в город, поступил в педучилище. Но закончить его не пришлось, время было тяжелое, а у матери на руках — трое детей младше его. Назначили учителем в начальную школу, а потом поступил педагогом ликбеза в здешнее пароходство. Плавал на пароходах по Шексне, учил матросов выводить натруженными руками первые буквы.

Когда исполнилось двадцать, призвали в армию. Тут ему повезло: служил в Москве, довелось встречаться с писателями. Как лучшую память о тех днях и будучи на фронте хранил билет в Ленинскую библиотеку.

А дальше — фронт с первого дня. Сначала был рядовым красноармейцем, а потом сразу стал лейтенантом. Офицерское звание было присвоено за отличную боевую службу, хорошие военные знания. Он стал адъютантом начальника штаба армии генерала Кокорева. И эту службу нес только, деловито.

В газете «Красная звезда» 2 апреля 1943 года появился большой очерк известного журналиста Н. Кружкова «Командир и адъютант». Автор пишет, что есть два рода адъютантов: одни — боевые, незаменимые помощники своего командира, всеми уважаемые, образованные офицеры, другие — исполнители мелких поручений, выступающие в роли вестовых и ординаров, держащие обеими руками за свое «теплое местечко». В пример другим автор ставит старшего лейтенанта Калачева, беззаветно и храбро выполняющего свой воинский долг. Он — глаза, память своего командира. Если командир, сомневаясь в полученных сведениях, послал адъютанта проверить их, — он может быть спокоен: как адъютант доложил, так оно и есть, словно командир сам побывал на месте, сам все увидел собственными глазами.

Журналист встречался с Владимиром, сам убедился, как он упорно готовит себя к боевой командирской работе, восполняя недостаток военных знаний. В одном из писем домой Владимир сообщает, что спит мало, по три-четыре часа в сутки, ночами овладевает военной теорией, «а практика днем — на переднем крае». Владимир писал рапорты, присился на боевую работу. И был назначен командиром батальона, но уже через два месяца — 25 июля 1943 года он, будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя.

СТИХИ писать Владимир начал очень рано. Еще в семилетке. А мать, страстная любительница чтения, хотя и окончила всего один класс церковно-приходской школы, знавшая многие сотни песен, частушек, вспоминала, что

Володя еще и в школу не ходил, а пытался что-то складывать, вроде: «Телефон бежит домой, тросткой подпирается...» (про телефонную линию).

Особенно же много и серьезно он занимался поэзией, когда поступил в педучилище. Еще до этого любимым его поэтом был Лермонтов, а здесь состоялось знакомство с поэзией Есенина. Он целиком в их власти; позднее, с фронта, он пишет, что томики Лермонтова и Есенина всегда с ним и в это трудное время. В ранних стихах, как и у всех начинающих, много откровенно подражательного, но уже и тогда нет-нет да и прозвучит свой голос, своя интонация, потому что писал он только о том, что волнует его, что пережито им.

По довоенным его тетрадям можно проследить, как в упорной, непрекращающейся ни на день работе зрел самобытный талант лирического поэта, становился более глубоким взгляд на жизнь. Еще до войны он советует своей сестре читать, читать

систематически, потому что только глубокое чтение делает человека стоящим и интересным. «Ты ходишь в кино, в театр, на лекции, но книга несравненно богаче всего этого, она должна быть всегда на первом плане». Он, 22-летний юноша, из письма в письмо дает сестре наставления, чувствует себя, как старший брат, ответственным за нее. «Вырабатывай в себе настоящего человека. Работа эта должна идти в двух направлениях: первое — приобретение навыков общения с людьми, с внешним миром (здесь поведение, обращение, твои взгляды, твой характер, поступки); второе — приобретение внутренней культуры (здесь твои знания, твое умственное развитие, твоя глубина ума)», — пишет он.

ОДНАКО не надо думать, что Владимир был из числа тех ортодоксов, для которых все и всегда было ясно. Его часто мучали сомнения, он не чужд был ни одной из радостей жизни, которые особенно щедро даруются юности. Первая его поэма «Анна Деметрива» — поэма о первой любви, в ней мало еще поэтического умения, но непреодолимое, отвергнутое чувство выражено с большой силой. Очень любил Владимир свои родные края, деревню Квасюнино, Шексню, безвестные лесные озера. В последнем своем письме за день-два до гибели он писал: «Иногда кашляют орудия и рядом рвутся снаряды, а я не могу без восторга глядеть на березовую рощу, на луга в цветах. Природа живет во мне. Вот возьмем хотя бы такую мелочь: на моем столе всегда свежие цветы. Кажется, не такое бы время, чтобы любоваться цветами, но я каждый день, проходя мимо реки, набираю цветов».

А как он любил сельских ребятшек, с какой радостью вспоминал свое босоное детство! «Сейчас только что вернулся из поездки. Ездил по заданию в тыл. На обратном пути в одной из деревень увидел, что на дороге собрались в кучу дети. От трех лет и до шести. Не мог удержаться, чтобы не поговорить с ними, и остановился. Они сразу же окружили мою машину и заговорили все сразу: их желанием было прокатиться в легковой машине. Пришлось открыть машину и посадить восемь маленьких людей... На тихом ходу провез их четыре километра, потом привез обратно. Всю дорогу вел разговор с будущей молодежью. Эта милая «мелочь» охотно говорит на любую тему. Шестилетний Коля рассказал, что у него папу убил фашист и что он — Коля — просит

взять его на фронт, где он будет бить фашистов. Я сказал ему, что он еще мал, тогда он мне говорит: «А если тебя ланят, я спасать тебя буду...» Пришлось «пообещать» храбручку, что я приеду за ним потом. К счастью, в полевой сумке нашлись цветные карандаши и открытки, и всем сделал подарки. А когда я поехал, они долго махали мне рукой...». Дальше он пишет: «Без жалости, с лютой ненавистью убиваешь фашистов, а вот, увидев ребятшек, приходишь в восторг. И откуда еще берется столько мягкости в душе!!!».

Даже в самые трудные минуты его не покидает юмор. В письмах много смешных эпизодов. Однажды он получил задание организовать разведку в тыл противника. «Под проливным дождем много километров шли по болоту», — рассказывает он. — Стеннело. И в это время противник обрушился на болото минометным огнем. Я приказал рассыпаться. Сорок пять минут пришлось пролежать в болотной холодной воде... Осколком снаряда одному бойцу ранило ногу, кость не задело, но боец молодой и не мог скрыть боль. Раненый паренек, казах по национальности, вдруг во все горло завопил: «Ой, синатар, синатар, синатар!!!». То есть «санитар, санитар...». Я тотчас побежал на крик, чтобы заставить его замолчать, из-за этого крика могли погибнуть все мы. Паренек сразу же умолк, но бойцы громко фыркали, не могли сдерживать смех, да и сам я смеялся».

Письма к родным, к любимой девушке разбухали до 14—16 страниц. Одно письмо он принимался писать иногда три-четыре дня подряд, и в каждом из них есть живые зарисовки.

ЗАПОЛНЯЛИСЬ постепенно и страницы фронтовой записной книжки. Голос поэта креп. Очень много дала ему дружба с известным ленинградским поэтом Всеволодом Рождественским, служившим в редакции армейской газеты. С радостью сообщает Владимир сестре о первой встрече с ним. «Знаешь, легче быть в бою, чем читать стихи хорошему поэту», — замечает он. В другой раз пишет: «Отдыхаю душой, когда побеседую с Всеволодом Александровичем. Замечательный человек!». А Рождественский, в свою очередь, в одном из писем к Владимиру признается: «Нам не следует терять друг друга из виду. Скажу прямо — из многих моих литературных собеседников здесь, на фронте, Вы единственный, в ком слышу я голос поэта». А в 1959 году он писал матери своего юного друга: «Ваш сын, безусловно, был человеком литературно одаренным, и, если бы ему суждено было остаться в живых, мог бы плодотворно работать в любимой им области — в литературе. Он только начинал свою творческую дорогу и не успел еще приобрести нужные для этого трудного дела знания и опыт, но и по тому, что осталось от него, можно заключить о его несомненных способностях». Есть в архиве В. Калачева и письма от Александра Прокофьева, Николая Асеева, Павла Антокольского. А. Прокофьев благодарит его за присланные стихи и сообщает, что они будут напечатаны в журнале «Ленинград», просит присылать еще. А Н. Асеев глубоко тронут тем, что к нему обратился поэт с переднего края, пишет ему пространное письмо, в котором «читает... краткую лекцию о назначении поэзии». Он твердо уверен, что она «будет не бесполезна» для начинающего автора, ибо Асееву импонируют в его стихах «решимость и определенность чувств», «сердечные движения» адресата, он видит в нем человека, «серьезно размышляющего над судьбами родной поэзии и безгранично влюбленного в Маяковского».

ВЛАДИМИР отлично знал, что в любом из предстоящих боев может погибнуть, как погибли уже многие его друзья. Он не раз возвращается к этой теме в письмах к любимой девушке. Она сообщила ему, что двое его товарищей не попали на фронт. Он отвечает: «Я им не завидую нисколько. Может быть, не вернуться, но и об этом я не гжужу». В другой раз пишет: «Каждый день такой, что в один из них твоего Вовки не станет. Только помни, что я честно умру, не буду трусом. Есть гордость в сознании, что смерть моя будет небольшой частицей в победе над врагом».

Но и в эти дни Владимир не переставал думать о будущем. Одно из писем начинается так: «Я в бой иду, чтоб завтра жить». «В твоём письме, — пишет он любимой девушке, — я встретил такую фразу: «...я мало живу будущим, больше живу прошедшим». Я в противоположность тебе сейчас живу будущим, и уже значительно меньше живу прошедшим. Не думать о будущем, значит, не любить жизнь».

Последнее стихотворение во фронтовом блокноте — «Коммунист». Оно кончается словами «Бессмертный подвиг коммуниста и нас на подвиги зовет». Эти слова относятся и к самому поэту.

В. ВИКУЛОВ.